

ОБРАЗЫ КЕНТАВРОВ И ИХ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(на материале произведений О. Громыко, Г. Л. Олди, А. Валентинова)

Использование различных пластов древней мифологии, и в первую очередь мифологии античной, при разработке собственной знаковой системы, как нами неоднократно отмечалось ранее, давно стало отличительной чертой современной фантастической литературы. Особенно продуктивным в данном отношении является введение авторами в систему персонажей представителей мифических существ, с которыми все мы хорошо знакомы с детства, причем наибольший интерес, пожалуй, представляют существа, имеющие как тератоморфный, так и миксантропический облик: Минотавр, Химера, гарпии, кентавры, сатиры и т. п. В первую очередь подобные персонажи востребованы жанром т. н. «чистой фэнтези» с такими характерными для него атрибутами, как средневековый антураж и безраздельное господство магии. Избранная авторами концепция дает возможность в полной мере представить вниманию читателя весь спектр удивительных существ, созданных народной и авторской фантазией. К указанному жанру можно отнести так называемый «белорский цикл» нашей соотечественницы и, более того, выпускницы нашего университета Ольги Громыко, молодого, но уже признанного как критикой, так и читателями автора, в высшей мере удачно, на наш взгляд, сочетающего в своих произведениях глубокую идейную наполненность, мастерски выстроенный сюжет и замечательное чувство юмора. В данном жанре не так давно попробовали свои силы признанные мастера современной фантастики, обладатели титула «Лучший писатель-фантаст Европы-2006», харьковские авторы Д. Громов и О. Ладыженский (псевдоним – Г. Л. Олди), цикл которых мы условно назвали «реттийским» – по вымышленному государству, в котором разворачивается действие. Как О. Громыко, так и Г. Л. Олди обогащают систему миропостроения, традиционную для классических произведений жанра фэнтези, элементами различных мифологических систем.

Одним из наиболее выразительных и предоставляющих обширное поле для различного рода аллюзий и толкований является такой известный практически любому человеку мифологический персонаж, как кентавр. О. Громыко использует этот образ в рассказе «Один к двум» цикла «Белорские хроники», а Д. Громов и О. Ладыженский – в романе «Шмагия». Следует отметить, что Олди и ранее разрабатывали его в «постэсхатологической» диалогии «Нам здесь жить», написанной в соавторстве с А. Валентиновым и описывающей события ближайшего будущего. Герои романа поставлены в условия измененной реальности – в силу некоторых обстоятельств привычная большинству из нас реалистическая картина мира сменилась в Городе (данным названием авторы

определяют место действия романа) картиной мифологической, утраченной человечеством незапамятное количество веков назад, причем в этническую структуру Города были включены и такие яркие представители античной мифологии, как кентавры. Нам показалось интересным сравнить трансформацию образа в произведениях разных авторов и сопоставить особенности, обусловленные жанровыми различиями, в творчестве коллектива соавторов.

Обязательного рассмотрения требует вопрос номенклатуры персонажей. Наименование данных миксантропических существ в древнегреческой мифологии – кентавры (κένταυροι). Традиционная этимология названия трактуется как «охотники на быков» (от κεντῆϊν и ταῦρος) или «всадники, погонщики (лошадей)» (от κέντορες (ἵππων)) [9, 313]. В рассказе О. Громыко традиционная номинация «кентавры» используется наряду с приведенным автором самоназванием – «табунники», наглядно иллюстрирующим систему взаимоотношений между кентаврами, причем писатель с отличающим ее произведения чувством юмора предлагает собственное объяснение как происхождения термина, так и нелюбви к нему со стороны миксантропических существ: *«Трий поморщился. Он терпеть не мог этого дурацкого слова, которым люди называли его расу – видите ли, чтобы с обычными лошадьми не путать. Все бы ничего, но словечко было созвучно одному из табунниковых ругательств (видимо, именно его услышал от местных жителей первый ступивший на Шаккару человек)»* [6, 62].

В романе Г. Л. Олди «Шмагия» в качестве канонизированного названия используется форма «китоврас», закрепившаяся в древнерусских книжных легендах и как имя нарицательное фигурирующая в рукописных текстах с XIV в. [10, 287]. Авторы указывают, что данное название используют граждане Реттии, а не *«косноязычные варвары, именующие честных китоврасов "центаврами"»* [16, 248]. Следует отметить, что элементы древнегреческого языка вообще фигурируют в данном цикле как принадлежность мертвых языков дочеловеческого мифологического субстрата, например гарпий. Данное высказывание мы встречаем в главе «Мемуары китовраса Григория Иннолиура ...». Хотя повествование ведется от третьего лица, авторы успешно имитируют незатейливую, но в то же время живую и эмоционально окрашенную речь простоватого, доброго и чрезвычайно преданного кентавра Грини.

В диалогии Г. Л. Олди и А. Валентинова сохраняется традиционная номинация кентавров, однако наряду с ней бытуют и разговорные формы – «кенты» (крайне удачное и органичное, на наш взгляд, сокращение, приобретающее особое изящество в форме женского рода – кентесса), а также «колесатые» – но это форма дружеского обращения, используемая только для «своих». В то же время в романе встречается славянизированная номинация «китоврас», но уже как уничижительно-оскорбительная, акцентирующая внимание на чудовищной ипостаси кентавров, вступающей в противоречие с нормативностью официальной религии. Недаром на митинги, требующие изгнания кентавров из Города и сопровождающиеся, в лучших

традициях подобных действий во все времена истории цивилизации, сожжением чучела кентавра, добропорядочные граждане вооружаются огромными иконами: *«Кажется, Святой Власий. Странное дело: в памятках, издающихся здешней епархией, епископ Севастийский определен к надзору за скотом. За крупным рогатым. Но в городе все считают, что именно он защищает от кентавров. Есть даже сборник молитв Власию «супротив буйства кентаврийского»; по-моему, его уже забросили в Интернет...»* [14, 225]. Впрочем, следует отметить, что сами принципы жизни в Городе, особенно в их бытовом, обыденном плане, зачастую гораздо ближе к древним магическим ритуалам, чем к истинно духовным религиозным представлениям, что вызывает протест наиболее передовой части духовенства. Подобная тотальная рациональность в значительной мере превосходит архаический бытовой прагматизм (достаточно вспомнить хотя бы комплекты одноразовых иконок, с помощью которых можно устранить незначительные бытовые и технические проблемы, или кухонные плиты с обязательными конфорками-«алтарками»). В свою очередь античные мифологические образы и персоналии вполне органично группируются исключительно вокруг «положительных» героев романа, носителей, хотя и далеко не всегда однозначных, именно духовного начала. На остальных персонажах атмосфера этой уникальной эстетики практически не распространяется.

Происхождение кентавров также имеет ряд отличий. Древние кентавры ведут свой род от оскорбителя богов Иксиона и облака, которому Зевс придал облик Геры (Пиндар «Пифийские оды» II, 33 – 89). В рассказе О. Громыко и романе Г. Л. Олди «Шмагия» кентавры представляют собой племена древнего и, возможно, даже дочеловеческого происхождения, локализованные на окраинах государства. Указанная версия вполне согласуется с мнением виднейшего исследователя древнегреческой мифологии Р. Грейвса, полагающего, что в образе кентавров нашли воплощение примитивные племена горцев доэллинического субстрата, населявшие Северную Грецию [5, 274]. В то же время профессор Виргинского университета Д. Г. Уайт в своей работе «Мифы о человекособаке» полагает, что подобные миксантропические существа в мифах и легендах населяют «задворки» обитаемого мира, которые в современной цивилизации принято называть «странами третьего мира». Их облик и дикость нравов призваны подчеркнуть более низкую ступень культурного развития, а недостаточная цивилизованность служит оправданием их завоевания и подчинения более «цивилизованными» этносами [17, 4 – 5].

Происхождение кентов так и остается загадкой: *«До сих пор умники яйцеголовые в затылках стетоскопами чешут: откуда взялись кенты, да еще сразу после Большой Игрушечной?! Город знают, как всю жизнь здесь прожили, говорят без акцента, старожилы по имени-отчеству и вообще... Собирались исследовать, за сдачу анализов чуть ли не денежные премии сулили – потом обломались. Пришлось теоретическими версиями*

пробавляться: визуальный сдвиг восприятия, мутация рокеров, а также лиц цыганской национальности, адаптация «группы риска» в связи с катастрофой, метаболизм крышей поехал...» [14, 50].

В древнегреческой мифологии кентавры представляют собой миксантропические существа, совмещающие черты человека и коня. Их традиционный визуальный образ сохраняется только в рассказе О. Громыко. В романе Г. Л. Олди «Шмагия» китоврас Гриня получает особенность, отличающую его как от традиционных мифических кентавров, так и от своих соплеменников, – рога. Хотя данная черта Грини воспринимается большинством окружающих как неестественная и уродливая, она, полагаем, имеет под собой мифологическое обоснование. В древнегреческой мифологии миксантропическими свойствами обладают также силены, воплощавшие стихийные силы природы и часто фигурировавшие в произведениях искусства ионийского происхождения. Силены изображались с лошадиными хвостом и копытами. Как божества плодородия, они входили в свиту Диониса наряду с сатирами, своим видом напоминая козлов [12, 18]. Частое отождествление сатиров и силенов могло привести к появлению у последних такой черты внешности, как рога (например, в римской мраморной копии статуи Силены с младенцем Дионисом, выполненной с греческого оригинала скульптора Лисиппа (вторая половина IV в. до н. э.), хранящейся в Лувре).

Миксантропический облик кентов несколько отличается от классической модели (вместо лошадиной половины присутствует мотоцикл), однако характер, на первый взгляд, полностью соответствует мифологическому. В античной мифологии кентавры наделены животной страстью к вину и женщинам и постоянно враждуют со своими соседями – лапифами, используя в качестве оружия камни и вырванные с корнями деревья (Гомер «Одиссея» XXI, 295 – 304; Овидий «Метаморфозы» XXII, 210 – 535; Аполлодор «Мифологическая библиотека» II, V, 4; Эпитома I, 21). У Гомера кентавры вообще называются θῆρες – «животные» («Илиада» I, 268; II, 743). В романе кентавры также отличаются буйным нравом и невоздержанностью: *«...там, где собираются кенты в количестве, большем, чем двое (пожалуй, и одного-то много!), порядка быть не может по определению. Так уж эти двухколесные оболтусы устроены. То гонки затеют, да такие, что светофоры вслед мигают от обалдения, а дорожники из ГАИ валидол спиртом запивают; то старушек по вечерам пугают; то между собой передерутся, а драка у кентов – дело долгое и совершенно невыносимое, даже если со стороны смотреть» [14, 45].* Однако в данном случае подобное поведение представляется нам любопытной смесью нонконформизма (сюда же можно отнести джинсовые попоны и татуировки) и воплощения суровой природной мощи. Вот только природа уже давно не дикая, а «преображенная человеческим разумом» – отсюда, на наш взгляд, и трансформация облика кентавров. Интересной деталью романа является способность кентавров выполнять функцию связующего звена

между Городом и Вывороткой – миром живых и мертвых (в той или иной степени), что также согласуется с древней, хтонической, сущностью этого мифологического образа. И своим обликом, и неприятием общепринятых норм поведения, и загадочными способностями кентавры просто не могут не вызывать у обывателя острого приступа ксенофобии. В этом причина волны слухов о непотребствах кентов, сплетен – в общем-то, новых мифов, забавным образом переплетающихся с мифами классическими: то кенты разнесли винный магазин (поединок Геракла с кентаврами, привлеченными запахом вина, которым тот угощался), то всем табуном изнасиловали до смерти случайную прохожую (попытка похитить невесту и других женщин на свадьбе лапифа Перифоя). Мифологические буйства закончились для кентавров весьма печально – они были частично перебиты Тесеем и Гераклом, частично изгнаны из родных мест. Не этого ли результата добиваются на митингах «законопослушные» граждане Города и те, кто стоит за их спинами?

В качестве воплощения стихийных сил природы кентавры в древнегреческой мифологии также являются носителями стихийной сексуальности, причем достаточно агрессивного характера. Яркими красками рисует попытку кентавров похитить невесту и других женщин на свадьбе лапифа Перифоя Овидий:

*...твое, о кентавр из свирепых свирепейший, Эврит,
Сердце вино разожгло и краса молодой новобрачной,
В нем опьянения власть сладострастьем удвоена плотским!
Сразу нарушился пир, столы опрокинуты. Силой
Вот уже буйный схватил молодую за волосы Эврит,
Гипподамию влачит, другие – которых желали
Или могли захватить; казалось, то – город плененный.
Криками женскими дом оглашаем.*

(«Метаморфозы» XII, 219-226. Перевод С. Шервинского) [13, 260].

Довольно скептически настроенная О. Громыко ставит указанный аспект характеристики кентавров под сомнение и от имени кентавра Трия, обиженного на замечание спасенной им племянницы короля Лессы: «...сейчас же весна. – Людка смутилась и покраснела. – А они такие... такие... в общем, порядочной девушке вроде меня с ними лучше не встречаться!» предполагает, что подобную глупость «только ... девушки придумать и могли, которым ихняя порядочность в одном месте жмет!» [6, 62].

Добрейший китоврас Гриня в романе Г. Л. Олди «Шмагия» вообще скорее выступает в качестве жертвы, а не сексуального агрессора, в постоянных поисках заработка устроившись вышибалой в заведение «Бабилонская Блудница»: «Доступные Сестры вскоре положили глаз на рогатого. Усталость и наплыв клиентов не были им помехой. В свободное время то одна, то другая зачастили к Грине. Поначалу он смущался и робел, однако всякий раз уступал пылкому натиску. Дальше вошел во вкус. Исхудал, спал с лица; шерсть перестала лосниться, свалявшись колтуном. «Долго не

выдержу, – вздохнул бедняга. – Эти и мертвого поднимут, и живого уложат...» На следующее утро он потихоньку накидал копытами из города» [16, 252].

В пределах собственного племени любовная страсть и вовсе становится первопричиной всех бед и злключений как для Трия, так и для Грини. Следует отметить, что в изображении женских особей кентавров в этих произведениях авторы удивительно единодушны и акцентируют внимание читателей в первую очередь на животной стороне поведения героинь, отмечавшейся уже в произведениях античных авторов, в частности в «Георгиках» Вергилия:

...неистовой всех ярятся кобылы.

*Пыл тот сама в них Венера влила, когда челюстями
Тех понтийских квадриг было сжевано Главково тело.*

Властно их гонит любовь за Гаргар и за Асканий

Гулкий; взбегают они вскачь на гору, переплывают

Реки, едва лишь огонь разогреет их жадные недра, –

Больше весной, ибо жар о весне возвращается в кости.

(Ш, 266-272. Перевод С. Шервинского) [2, 111].

Животная чувственность сочетается у названных героинь с изрядной долей чисто человеческого эгоизма и коварства. Эти качества толкают Кнарру в рассказе О. Громыко на оговор практически соблазненного ею Трия. Еще более жестокой и циничной предстает перед нами чалая красавица из романа Г. Л. Олди, первая любовь незадачливого Грини, «втюрившегося» в избранницу «по самые кончики рогов» [16, 250]. Иллюзия взаимной любви заставляет юного кентавра потерять голову от счастья, и тем страшнее становится удар жестокого прозрения: «Низвержение с небес в бездны преисподней – страшная штука. Он к любимой – всем сердцем, всей душой. А она... Ее, оказывается, интересовала отнюдь не его душа. ... Живая игрушка, милый уродец, с которым можно крутнуть хвостом налево, а потом отогнать, как муху-надоеду. Вот и вся любовь» [16, 250 – 251].

Община китоврасов в «Шмагии» носит название «*табор*» и действительно напоминает свободой нравов и вольностью жизненного уклада традиционно изображаемых в русской литературе цыган. В свою очередь Чалая выступает в функции клишированного образа роковой красавицы-цыганки. В изображение поселения кентавров О. Громыко привносит также черты иерархического устройства табуна лошадей (недаром даже самоназвание кентавров в ее рассказе – «*табунники*», а персонажи именуются «*жсеребцами*» и «*кобылицами*»). В связи с этим особенно интересным нам кажется использование древней символики лошадиной масти. Традиция наделения лошадей определенными чертами и свойствами в соответствии с их мастью была заложена еще в античности и находит свое отражение, в частности, в поэме Вергилия «Георгика». Вероломную кокетку Кнарру О. Громыко окрашивает в белую масть: «...*кобылица была прекрасна, как горная вершина под зимним солнцем: такая же белоснежная, манящая, холодная и недоступная*» [6, 54]. Искренний, добрый и верный Трий

получает от писателя гнедую масть. Однако данная окраска выполняет не просто эстетическую функцию. Еще Вергилий отмечал:

Всех благородней

*Серая масть иль гнедая; никто не отдаст предпочтенья
Белой иль сивой.*

(Ш, 81-83. Перевод С. Шервинского) [2, 106].

Еще более развернутое отражение данной европейской традиции мы находим в труде великого маршалка литовского, К. М. Дорогостайского «Гиппика» (XVII в.), первом в Речи Посполитой пособии по коневодству, где автор заимствует у Гиппократ и Галена учение об основных жидкостях организма, объясняя таким образом наличие различных мастей и соответствующих им особенностей лошадей. В соответствии с трактатом, белая масть обладает большой внешней привлекательностью, однако существенными пороками: «...зусім белы [конь] з чыстай флегматычнай вадкасю – бывае на дзіва прывабны і ... мае прыгожую масць... Паколькі флегматычная вадкасьць халодная, яна не можа быць ні добрай, ні трывалай; ... бо без прыроднай цеплыні не бывае нічога трывалага» [7, 28]. В свою очередь, автор традиционно отдает предпочтение гнедой масти как средоточию положительных качеств: «Гэтая масць ... павінна лічыцца найлепшаю. Бо паколькі крывяная вадкасьць найлепшая з усіх, то і коні, падпарадкаваныя гэтай субстанцыі і гэтай масці, бываюць па характары вясьля, дужыя, мужныя, цягавітыя і лёгка пераносяць раны і ўсякія празмерныя працы, да таго ж вельмі смелья і здатныя да навукі, а чаму навучацца, [тое] доўга памятаюць, аднак залішняга пакарання не церпяць» [7, 26]. Именно эти качества демонстрирует читателю по воле сумасшедшего мага отделенный от своей конской половины Трий, но уже именно как качества человеческие, помогающие герою не только спасти от разбойников племянницу короля Лессу и раскрыть заговор коварного канцлера, но и обрести свою истинную любовь.

Разительно отличается от рассмотренных выше «женских» образов Папочка, аристократичная, покоряющая своим шармом кентесса из дилогии Г. Л. Олди и А. Валентинова. Возможно, в данном образе нашли отражение черты Гилономы из «Метаморфоз» Овидия, преданной супруги кентавра Киллара, отважно сражавшейся в Кентавромахии плечом к плечу с любимым и покончившей с собой после его смерти:

Никакая меж полуживотных

Женщина краше ее не жила в надгорных дубравах.

(XXII, 405-406. Перевод С. Шервинского) [13, 265].

Авторы отнюдь не стремятся идеализировать или примитивизировать свою героиню. На фоне подчеркнуто «неформальных» кентов Папочка производит впечатление или «декадентки», или Марлен Дитрих на двух колесах, причем авторы (от лица одного из главных героев дилогии – писателя Олега Залесского) не только акцентируют внимание читателя «на лице ее, длинном лице развратной святой, украдкой спустившейся с полотен Эль Греко нюхнуть марашету» [14, 130], но и детально, в какой-то почти

«женской» манере описывают экстравагантный облик кентессы. Однако стоит нависнуть опасности над друзьями, включая человеческих, и утонченная, рафинированная «декадентка» очертя голову бросается на выручку, не щадя собственной жизни.

Также следует отметить, что наиболее яркий представитель племени кентов в дилогии, удивительно притягательный, мудрый какой-то древней, извечной мудростью Фол имеет своего «реального» мифологического прототипа-предшественника. В древнегреческой мифологии кентавр Фол, сын Селена и нимфы Мелии-«ясеновой», наряду с легендарным Хироном является воплощением мудрости и благожелательности. В то же время в XII песни «Ада» он охарактеризован Данте как кентавр *«с душой грозовой»* («Божественная комедия». «Ад» XII, 72. *Перевод М. Лозинского.*). Данная характеристика как нельзя более соответствует рассматриваемому персонажу, отличающемуся поистине мифологическим «кентаврийским» темпераментом. В мифе Фол является другом Геракла и случайно гибнет, оцарапавшись стрелой, смоченной в яде Лернейской гидры (Аполлодор «Мифологическая библиотека» II, 5, 4). Возможно, его судьба отчасти явилась предвозвестником гибели Фола в одной из последних глав романа – но в романе кентавр осознанно делает выбор между жизнью и смертью, загораясь от убийц своего друга Алика, незадачливого, во многом смешного бога новой мифологической реальности. В то же время Фол скорее следует считать собирательным образом, унаследовавшим и черты легендарного Хирона – одного из древнейших кентавров, сына Кроноса и океаниды Филиры, обучившего врачеванию самого Асклепия. Гомер называет Хирона *«справедливейший всех из кентавров»* («Илиада» XI, 832. *Перевод Н. Гнедича.*). В древнегреческой мифологии именно этот кентавр выступает в роли воспитателя таких великих героев, как Диоскуры, Тесей, Ясон, Ахилл. Он обучил их музыке, врачеванию, гимнастике и прорицанию, а также *«добрый внушил ... нрав»* (Овидий «Фасты» V, 410. *Перевод Ф. Петровского.*). В дилогии Фол также выступает в качестве не только друга, но и учителя Олега Залесского, объясняя писателю его место в новой реальности, причем именно он устраивает встречу Алика с Минькой – Минотавром, его духовно-материальным детищем и первым подтверждением способностей в качестве демиурга.

Как видим, авторы единодушно отказываются от изображения кентавров только как воплощения дикости, жестокости и необузданности, взамен акцентируя внимание читателя на исконной мудрости персонажей, искренности и глубинной гармонии с природой, тех качествах, которых так не хватает современному, возможно, чрезмерно рациональному человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. – Л., 1972.
2. *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. – М., 1979.
3. *Гомер.* Илиада. – М., 1993.

4. *Гомер. Одиссея.* – М., 1993.
5. *Грейвс, Р. Мифы древней Греции.* / Р. Грейвс. – М., 1992.
6. *Громыко, О. Белорские хроники.* / О. Громыко. – М., 2008.
7. *Дарагастайскі, К. М. Гіпіка, альбо Кніга пра коней.* / К. М. Дарагастайскі. – Мінск, 2007.
8. *Лосев, А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии.* / А. Ф. Лосев – М., 1957.
9. *Любкер, Ф. Реальный словарь классических древностей.* в 3-х т. / Ф. Любкер. Том 1. – М., 2001.
10. *Мифологический словарь* / гл. ред. Е. М. Мелетинский – М., 1990.
11. *Мифы народов мира. энцикл.* в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 1992.
12. *Нильссон, М. Греческая народная религия.* / М. Нильссон. – СПб., 1998.
13. *Овидий. Собрание сочинений.* в 2-х т. Том II. – СПб., 1994.
14. *Олди, Г. Л. Нам здесь жить. Книга первая. Армагеддон был вчера.* / Г. Л. Олди, А. Валентинов. – М., 1999.
15. *Олди, Г. Л. Нам здесь жить. Книга вторая. Кровь пьют руками.* / Г. Л. Олди, А. Валентинов. – М., 1999.
16. *Олди, Г. Л. Шмагия.* / Г. Л. Олди. – М., 2004.
17. *White, D. G. Myths of the dog-man.* / D. G. White. – Chicago, 1991.